

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Уля Ласка

ВЕРОВЫ:

НОВЫЙ ГОД

Уля Ласка Веровы. Новый год

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67800158

SelfPub; 2022

Аннотация

Когда у Ивана Верова заканчиваются аргументы, чтобы уговорить любимую женщину быть вместе. Он пускает в ход свое тайное и самое действенное оружие – семью. И когда как не в Новый год при помощи близких людей может случиться самое настоящее чудо...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	48
Глава 10	55
Глава 11	64
Глава 12	73
Эпилог	77

Уля Ласка

Веровы. Новый год

Глава 1

Виктория

Теплые, сильные пальцы плавными, поглаживающими движениями перебирают волосы на моем затылке. Одновременно с ними большой палец искусно массирует впадинку с тыльной стороны уха.

Сдерживаюсь из последних сил, чтобы не начать всхлипывать от удовольствия, накатывающего мощными, бесконтрольными волнами и заполняющего тело упоительной жаждой близости.

Еще минута рядом, и я соглашусь на всё.

Всё, что он предложит... потребует... прикажет... Потому что ОН, кажется, специально создан для того, чтобы сводить женщин с ума.

Всех.

Без исключения.

Но мне нельзя.

У меня дочь и... работа.

– Иван, – пытаюсь отстраниться, слегка касаясь рукой пиджака, небрежно накинутого поверх рубашки.

Пальцы соскальзывают, и в мою ладонь отдается удар сердца. Его сердца, которое бьется в надежде до меня достучаться.

Он не удерживает, просто сразу цепляет взглядом и непонятным для меня образом в который раз не даёт ответить отказом. Оставляет мне шанс, которым я могу воспользоваться, когда...

Когда... что?..

– Я всё ещё жду... В любое время, Вика... – его губы не смыкаются до конца, как будто есть ещё что-то, что он должен сказать мне прямо сейчас.

Склоняется к моему лицу, позволяя насладиться миксом ароматов можжевельника и горького апельсина...

Воздушное касание щеки...

Моментальное отступление...

Бо-о-оже...

Задерживаю дыхание и уже по силе ударов собственного сердца чувствую неотвратимо накатывающее раздражение.

Хотелось совсем другого.

Хотелось, чтобы сгрэб меня в охапку и целовал, не прекращая, до сверхсветовых лучей и радужных пятен перед глазами, истерзанных губ, желания, превысившего все допустимые нормы влажности между ног, а затем моего полного права... отвесить пощечину и удалиться, гордо подняв голову.

Он это знает...

Поэтому ни разу за все полгода с того момента, как мы впервые увидели друг друга, не допустил ни единой ошибки...

Мягко разворачивает меня к машине, приоткрывая дверь и наблюдая, как я поспешно располагаюсь на заднем сиденье.

– Позвони мне, – без лишних эмоций произносит он, но всполохи огней гирлянд в его невероятных глазах и чуть сведённые к переносице брови ясно дают понять, что терпение Ивана Сергеевича Верова не столь безгранично, как утверждает его окружение и... кое-какие рабочие документы, которыми я воспользовалась, превысив свои служебные полномочия.

Это дает надежду, что совсем скоро ему надоест. И все будет, как раньше. Так, как я привыкла – с ускорением сердечной деятельности лишь в отношении дочери и работы.

– Спокойной ночи, Иван, – наконец-то, ловлю рабочий настрой, придавая лицу бесстрастное выражение.

Ухмыляется, заставляя разлететься лучиками морщинки во внешних уголках глаз, а меня... заерзать на месте, из-за жгучей потребности дотронуться до них и лучше бы... губами...

Вся выдержка к черту!

Спокойная ночь не светит теперь именно мне...

– Виктория Юрьевна, приехали! – вырывает меня из воспоминаний полуторамесячной давности голос моего лично-

го охранника. – Какие дальнейшие распоряжения?

Фокусирую взгляд на предмете, который вертела в руках всю дорогу домой.

Приглашение.

Совместная встреча Нового года в кругу семейства Веро-
вых.

Сегодня.

Решение за мной.

Глава 2

Виктория

Совместная встреча Нового года в кругу семейства Веровых.

Сегодня.

Решение за мной.

Такого рода действия никогда не даются мне легко. Я привыкла просчитывать все мыслимые и немыслимые варианты, анализировать имеющиеся данные, вертеть ими, как сложным, логическим пазлом. Это моя работа, и от верно или неверно принятого решения в моём случае часто зависит чья-то жизнь.

Десять лет юридической практики, напрямую связанной с уголовными преступлениями, не прошли даром.

Все было бы намного проще, будь я одна. Но ровно три года назад в моей жизни появился дополнительный смысл. Смысл, который, как взрыв сверхновой, осветил самые тёмные и потаённые уголки моей жизни. Жизни, которая перестала принадлежать только мне.

В ней появилась Инга. Маленькое, насквозь израненное, измученное чудо, поджимавшее босые ножки под себя и изо всех сил цепляющееся руками за пижамные штанишки, чтобы хоть как-то сдерживать дрожь, сотрясающую тоненькое тельце.

Ирма Эдуардовна, хозяйка нашей конторы, привезла девочку прямо с... места преступления...

Домой мы уехали вместе – я и... дочь.

– Андрей, – обращаюсь к ожидающему ответа охраннику я, принимая окончательное решение, – восемнадцать ноль – ноль, новогодний вечер у Верова Ивана Сергеевича.

– Завершение? – ни единой модуляции голоса, несмотря на тридцать первое декабря и тающую на глазах возможность освободиться пораньше. Работники нашей организации слишком высоко ценят свои рабочие места, поэтому за всё время пребывания в её составе, я ни разу не слышала ни единого пренебрежительного высказывания в её адрес.

– По факту, – я не могу позволить себе роскоши быть беспечной.

– Принято, Виктория Юрьевна, – завершает он нашу краткую беседу и сопровождает меня до дверей моей квартиры.

Проверка безопасности и экстренной связи.

Я дома.

В нос ударяет умопомрачительный запах ванили с примесью корицы, многократно усиленный нотками горячего шоколада с кокосовой стружкой, а мне навстречу вылетает моё личное солнце, сияющее счастливой улыбкой абсолютно довольной своей жизнью восьмилетней девчонки.

– Мамочка, наконец-то! – приплясывает вокруг меня Инга, с нетерпением ожидая, пока я снимаю пальто. – Мы с Ра-

ей уже все приготовили, нам с тобой нужно только накрыть на стол и можно встречать Новый Год.

Оплетает руками мою талию и с силой, совсем несвойственной такой малышке, прижимается к моей груди.

– Инга, – только сейчас я понимаю, что упустила самое главное, – ты же помнишь племянников Светы?

– Федю и Петю? – моментально реагирует она, безошибочно вспоминая имена родственников своего персонального психолога, благодаря упорной работе с которой, Инге удалось сделать ещё пару больших уверенных шагов прочь от своего болезненного прошлого.

– Да, их! Они приглашают нас, тебя и меня, встречать Новый Год вместе.

Обруч тоненьких ручек мгновенно сжимается в ещё более плотное кольцо.

Провожу рукой по распущенным волосам, пытаюсь успокоить и поддержать.

– Они... шумные! – выносит обвинительный приговор дочь.

– Но весёлые, – апеллирую я.

– Mamочка, нам же хорошо вдвоём?

Я слишком хорошо знаю этот приём. Манипуляция чистой воды, но то, что Инга использует её сейчас против меня – моё собственное упущение. На работе это могло бы обойтись мне слишком дорого.

Чего мне будет стоить очередной и, скорее всего, послед-

ний отказ?..

Прикасаюсь пальцами правой руки ко лбу, как будто из подушечек в мозг может поступить тайное, ранее никому не известное знание о том, как же все-таки будет правильно...

– Мама? – тревожно требует подтверждения своего вопроса дочь.

– Да, милая, вдвоём нам хорошо... – склоняюсь над её макушкой, целую и легонько подталкивая в спину: – Начинайте с Раей, я присоединюсь к вам через минутку.

Она вновь радостно подпрыгивает, на пару секунд повисая на моей шее, а потом сверкая розовыми пятками домашних сапожек, уносится на кухню с отмашкой для няни.

Мне нужно сделать всего лишь один звонок и вся эта история, наконец-то, закончится... по сути, даже не начавшись...

Ощущение, что телефон в моей руке сделан из свинца и, чтобы поднять его к уху, мне требуется приложить немало усилий.

– Иван, – проигрываю битву, первой прерывая паузу, образовавшуюся после соединения. – Обстоятельства...

– Стой, – его голос настолько спокоен, что я чуть ли не фыркаю в возмущении. – Ты остаешься дома? – уточняет все тем же ровным тоном.

– Да, я...

Вновь прерывает:

– Хорошо.

И, уже в свою очередь, разрывает связь.

Голова в единый миг освобождается от всех мыслей и только быстрые, глухие удары сердца бьются в замкнутом пространстве моей черепной коробки, не находя выхода и начиная потихоньку сводить с ума.

Это всё?..

Всё...

Опираюсь о стену спиной, высоко поднимая подбородок и заводя глаза в вверх.

Всё почти так, как я и хотела... с гордо поднятой головой...

– Андрей, – спустя минуту, избавившись от использованных салфеток, вношу изменения в наши планы я, – отбой. Мы остаемся дома.

– Принято, Виктория Юрьевна. С наступающим!

– Взаимно, Андрей, – из последних сил сдерживаю все-таки пытающийся сорваться голос.

И дело о мужчине, которому померещились настоящие чувства, отправляется в архив моей памяти.

Я с самого начала была права.

Дело закрыто.

Энджи

– Э-э-энджи! – слышу из кабинета громкий, раздраженный голос отца.

Ну что ещё? Я и так как белка в колесе с самого утра! Вроде бы всё под контролем.

Осматриваю гостиную на предмет проказ близнецов. Кроме пары-тройки голубых клякс на потолке ничего противозаконного. С этой резней облаков и их кровавых отпечатков мы разобрались ещё вчера.

– Энджи, – ещё более нетерпеливый призыв.

На подходе к кабинету пересекаюсь с Пашей, который хитро ухмыляясь, сначала жестом желает мне удачи, но сразу же сменив выражение лица на искреннюю скорбь, покачивает головой и резким движением проводит рукой по горлу.

Так значит, братец?..

Держу себя в руках, чтобы не отреагировать моментально.

Мсть-мсть-мсть! Её подают только холодной!

Мило улыбаюсь и, наконец-то, захожу в кабинет.

– Да, пап? Звал?

– Собирайся, Эндж. У тебя очень срочное дело!

– Да неужели? – честно охреневаю я, наглядно представляя живописную картину поиска подснежников в чаще леса в новогоднюю ночь!

Глава 3

Энджи

– Пап, а если у меня не получится? – говорю, потирая ладошки друг об друга в надежде сбросить напряжение. – А если у неё будет совершенно противоположная реакция? Может быть, имеет смысл отправить Свету?

– Нет, – не задумываясь ни на минуту, отмечает мои жалкие попытки снять с себя ответственность он. – Света в данном случае – запрещённый приём, ей она не сможет отказать.

– Но тебе ведь это и нужно! – усиленно киваю, подтверждая результативность своего предложения.

– Энджи, – отец, слегка прикрыв глаза, облакачивается на стол, упираясь подбородком в сложенные в замок руки, – что ты обычно делаешь, когда тебя загоняют в угол и вынуждают действовать под принуждением?

– Подчиняюсь, – начинаю понимать, к чему он клонит.

– А потом? – уже вовсю ухмыляется он.

– А потом никому мало не покажется! – фыркаю я, окончательно уловив смысл его объяснения.

– С тобой шансы уравниваются, – продолжает он. – Для неё не составит труда сразу же это понять.

– Пап, мне кажется, что ты слегка переоцениваешь мои силы. Извини, я сделаю всё, что смогу, но...

– Без "но", дорогая, ты просто возьмешь и сделаешь это! –

его голос наполняется такой уверенностью, что мне не остаётся ничего другого, как согласиться и, уточнив ещё пару деталей, взять разгон прямо с места.

– Эндж, – догоняет меня его отклик уже в дверях, – для меня это очень важно!

Киваю и выскакиваю из кабинета.

Так, мне нужно срочно проконсультироваться со Светой, пара рекомендаций, по порученной мне сверхсекретной операции, совсем не помешает.

Нахожу её с Пашей и близнецами в беседке в саду. По голосам сыновей догадываюсь, что беседа опять носит обучающий характер. Федя со Светой доказывают что-то Паше с Петей, а те в ответ приводят свои контраргументы. Я обожаю принимать участие в таких разговорах, потому что, хоть и стыдно признаться, но многому учусь вместе с детьми.

Выжидаю подходящий момент и обнаруживаю своё присутствие, одновременно умиляясь открывшейся картине. Света и Паша сидят друг напротив друга, удобно расположившись в креслах. Мальчишки восседают у них на коленях, и те и другие укутаны в огромные тёплые пледы, из-под которых торчат только лица.

Не могу сдержать смешок.

– Какие-то инновационные японские методики, связанные с влиянием холода на улучшение мозговой деятельности?

– Э-э-эндж, – разочарованно тянет Пашка, Света же бро-

сает на него победный взгляд, под одобрительное хихиканье близнецов. – Ты не могла сказать что-нибудь другое?

– Что прям один в один? – начинаю понимать причину разочарования брата. – Ну а что ты удивляешься, мы же родственники у нас все общее, даже мысли. И вот именно сейчас все мои о твоей жене!

Улыбаюсь во весь рот Свете, наблюдая как она страдальчески заводит свои глаза вверх. Ну не надо преувеличивать, не так уж и часто я проворачиваю это в последнее время. Но Пашкина ревность такая забавная, что сдерживать себя порой нет никаких сил.

– Ну-ка, Петр... – брат ловко скидывает плед, вставая и усаживая Петю на своё место, медленно разворачивается ко мне и авторитетно складывает руки на груди. – Так что у тебя там в мыслях?

– Папино поручение, относительно которого мне нужно срочно проконсультироваться с твоей женой! Можно? – со скоростью автоматной очереди выдаю я, с самым серьёзным выражением лица, на которое только способна.

Пока Паша переваривает мою оправдательную речь, Света перехватывает инициативу и сообщает:

– Время воздействия, рекомендуемое японцами, истекло! Теперь мы просто начнём замерзать! А поэтому? – она выдерживает многозначительную паузу.

– Домой! – в два голоса орут сыновья и через мгновение их сдувает из поля нашего зрения.

– Что у отца? – с лёгким беспокойством интересуется Паша.

– Вика, – мой ответ вызывает двойной скорбный вздох.

– Все говорило о том, что она примет приглашение. Что произошло? – поднимается, сбрасывая свою импровизированную мантию Света.

На ней довольно тонкая куртка, которая очень забавно подчёркивает шестимесячный животик. Паша тут же пристраивается сзади, прикрывая собой спину жены и бережно обнимая за талию, вернее, на её прежнем уровне. Наблюдая за этими действиями, мне вдруг безумно хочется оказаться рядом с Женей. Последняя неделя теперь уже на общей их с отцом фирме выдалась не просто жаркой – обжигающей, при этом Рыжей ведьме приспичило взять отпуск, а моему жениху приходится впахивать до последнего.

Я не жалуюсь.

Нет, жалуюсь!

– Все так плохо? – встревоженно вглядывается в моё лицо Света.

Не нахожу, что ей ответить, пока не соображаю, о чем она спрашивает.

Да, Вика!

– Не так чтобы очень, но папа считает...

Пока мы идём к дому, я делюсь деталями, полученными от отца.

– Иван Сергеевич прав, это может сработать, но, Энджи,

ты должна быть максимально аккуратна и искренна. Только так!

Ещё несколько советов, имеющих непосредственное отношение к порученному мне заданию, и они вдвоём желают мне удачи, а спустя минуту Паша стучится ко мне в комнату и добавляет, что я должна очень и очень постараться, потому что видеть весь вечер разочарованное лицо отца в случае моей неудачи, будет тем ещё удовольствием.

Мог бы не нагнетать, я и сама прекрасно понимаю, ЧТО стоит на кону.

Ко всему прочему, отец с его выдержкой не позволит ни единому мускулу показать его истинные чувства, а тем более испортить нам праздник. Проблема в том, что мы и так будем знать о том, что творится у него на душе. А поэтому у меня все должно получиться!

Пора!

Забрасываю в сумку пару предметов и распахиваю дверь...

– Привет, родная! Я свободен и в твоём полном распоряжении.

Всё бы отдала, чтобы это случилось на час раньше!

Женя настолько неотразим, что я рискую подавиться слюной, обильно заполнившей мой рот. Судорожно её сглатываю и произношу извинение каким-то абсолютно чужим, глухим голосом:

– Извини, но у меня срочное дело.

Его глаза мгновенно сужаются, а через пару секунд я обнаруживаю себя лежащей на кровати с нависающим надо мной Женей и руками плотно прижатыми к изголовью кровати.

– У меня тоже, – деловым тоном сообщает он, одной этой фразой срывая мне весь четко распланированный график. – Ты задолжала мне за целую неделю, – склоняется ещё ниже, удерживая на аркане мой взгляд и не позволяя сдвинуться с места.

Возмущенно выдыхаю воздух из легких прямо ему в лицо. Это кто кому задолжал?!!

Глава 4

Энджи

Женя приподнимается, подгибая колени, плотнее зажимая меня бедрами и занимая более выгодную для себя позицию. Помимо этого, хорошо зная мои повадки, он ни на секунду не ослабляет хватку моих рук.

Перед глазами только от одной этой демонстрации силы и власти начинает бешено искрить. Но я не буду собой, если не попытаюсь отстоять своё право на "где, когда и с кем"... Стоп! С последним я точно погорячилась. Ухмыляюсь своей реально бредовой мыслью.

Поцелуй...

С ним... каждый раз, как первый...

Боюсь пошевелиться, чтобы не вспугнуть ощущения, окутывающие меня с ног до головы. Словно тёплое, стремительное течение подхватывает и несёт на невероятной скорости, неважно куда, главное... с ним... вместе.

Как, ну как можно так целоваться?

Со всей силы вонзаю ногти в ладони, чтобы просто не отрубиться от зашкаливающего пульса и не потерять связи с этой невыносимо дурманящей реальностью.

Женя снижает напор, с тревогой посматривая в мои, судя по всему, помутневшие от крайней степени возбуждения глаза. Его, к слову сказать, выглядят не лучше. Мы, как об-

долбаные наркоманы, со зрачками во всю радужку и с таким же срывающимся от ломки дыханием на двоих.

– Прости, Эндж, я соскучился, – облизывает он свою уже высохшую от поцелуя нижнюю губу, и меня вновь пробивает мощный толчок желания.

– Же-е-ень, у меня очень мало времени, – приподнимаю плечо, заставляя его перекатиться набок. – Отпусти-и-и, – беспомощно подергиваю запястьями в его руках.

Отпускает с разочарованием, мгновенно заполняющим его темно-карие, цвета жженой карамели глаза, но оно так же быстро исчезает, сменяясь на яркое свечение, когда я, откинувшись на спину, стягиваю джинсы вместе с трусиками.

– Э-э-эндж, – на вдохе втягивает он в себя моё имя.

Я же проявляю запредельную сдержанность, предварительно избавляясь от его брюк и оттягивая резинку, потому что боксерам уже точно есть за что зацепиться.

В голове вертится чертов калейдоскоп образов восемнадцать плюс с нами в главных ролях, это одновременно и возбуждает, и не даёт сконцентрироваться.

У Жени проблемы с концентрацией отсутствуют по определению. Главное выбрать объект. В нашем случае он уже давным-давно определен и, спустя миг, я обнаруживаю себя с закинутыми на Женины плечи ногами. Он ощутимо сдавливает мои ягодицы, приподнимая еще выше, отрывая поясницу от кровати и заставляя частично перенести вес на лопатки.

Ниже склоняет голову и меня коротит от одного-единственного прикосновения. Так, как-будто бы всё моё тело находится под напряжением в двести двадцать, а он, похерив все правила безопасности, решился сунуть пальцы в розетку... Кх... в нашем случае... язык... в...

Да-а-а...

А ко всему прочему здесь же ещё и влажная среда-а-а... высокая проводи-и-имость...

Верова, бл..ть, завязывай со своими эротическими фантазиями школьного курса физики!

Куда там?! Мы же переходим к трению!

Плавные, медленные первые и последующие ускоряющиеся рваные толчки больше не дают соображать.

Женя сдавливая руки на моих бедрах так, словно они единственное, что удерживает его в этом мире – больно и настолько же потрясающе от осознания того, это Я, Я его крючок, в той же степени, что и ОН – МОЙ.

Прикусывает кожу под коленкой, и я кончаю от миллиона маленьких вспышек, случившихся одновременно, выбивших моё тело из реальности и доказавших, что рай, скорее всего, существует. И как призыв к возвращению, горячая волна, заполняющая меня изнутри и напоминающая, что НАС ДВОЕ и МЫ ВМЕСТЕ.

– Родная, – откуда-то издалека доносится до сознания голос моего мужчины, – теперь, надеюсь, у тебя нет никаких срочных дел, и мы можем насладиться друг другом без спеш-

ки , – добавляет он, нежно поглаживая мою грудь.

Дел? Каких дел?..

– Чёрт!!!

Глава 5

Павел

С неохотой оставляю Свету на несколько минут и стучусь к сестре.

Она подтверждает, что прекрасно понимает свою ответственность и важность возложенной на неё миссии.

Покидая комнату, я полностью уверен, что она действительно сделает всё возможное и невозможное. Перед глазами почему-то возникает Вика со связанными руками и мешком на голове. Встряхиваю головой, чтобы избавиться от этого бреда. Хотя... Энджи может. Подавляю нервный смешок я.

Чувствую потребность проветриться и, накинув пальто, выхожу в сад.

Последние полгода для нашей семьи были слишком напряженными. Как будто судьба решила провести эксперимент и протестировать на нас суперконцентрат неприятностей. Не безжалостно. Взамен были предоставлены такие бонусы, что предложи мне кто-то вычеркнуть это время из памяти, заменив его привычной, относительно спокойной жизнью, я бы никогда не согласился.

НИ-КОГ-ДА!

Даже несмотря на тот липкий и гадкий страх, которого я никогда не испытывал прежде и который теперь является моим постоянным спутником. Страх, что женщина, ставшая

всей моей жизнью, может из неё просто исчезнуть.

Это заставляет ещё больше ценить каждое мгновение проведённое вместе и стараться обеспечить максимальную безопасность той, кто ежедневно доказывает мне, что та поездка и то решение принятое, кажется, после часа знакомства, были самыми правильными действиями во всей моей жизни.

Захватываю пригоршню снега, растирая её между ладонями и дожидаясь, когда снег плавясь, начинает стекать горячими каплями, избавляя от лишнего накала и напряжения.

Я и Энджи вырвали у судьбы своё счастье. Сейчас очередь отца и, несмотря на отсутствие реальных препятствий, меня не оставляет ощущение того, что его путь самый сложный, ни у меня, ни у сестры просто не хватило бы терпения на такую хрень, с которой пришлось столкнуться отцу.

Когда я высказал своё видение ситуации Свете, она в два счёта доказала мне, что всё не так просто, как кажется на первый взгляд и то, как ведёт себя отец, единственно верный способ добиться желаемого.

Верный, но такой чертовски долгий, что я сам начинаю подумывать о доставке Вики с мешком на голове, в случае неудачи Энджи.

Мда...

Возвращаюсь в нашу со Светой комнату в отцовском доме и от одного взгляда на жену, меня пробивает щемящее чувство нежности и эгоистичного желания выстроить вокруг неё неприступную стену с моим единоличным к ней доступом.

Чёрт! Стараюсь не думать, что будет твориться у меня в голове, когда на свет появится малышка.

Свете достаточно единственного взгляда, чтобы оценить моё состояние. Она тут же с лёгкостью, совсем несвойственной женщинам в её положении, поднимается с кровати, подходит ко мне, упирается лицом в грудь, запуская руки в задние карманы моих джинсов. Пару мгновений спустя поднимает голову и говорит то, что заставляет моё сердце взречь и газануть с такой скоростью, что все вокруг погружается в тишину из-за нахрен заложенных ушей.

– Паш, я так сильно тебя люблю, что больше, кажется, уже некуда, – искренне улыбается она, – но ты в очередной раз приходишь с таким выражением лица, что я понимаю, нет, это ещё не предел, а временами вообще подозреваю, что в моём распоряжении вся вечность. Ты позволишь любить тебя именно так?

– Только так и никак иначе, лисичка! – выдыхаю с облегчением, касаюсь губами её виска и осторожно подхватывая на руки, понимаю, что в ближайший час моя голова будет абсолютно свободна от всех тревог и забот. – Милая, ты спрашивала о планах на праздники?

– Да-а-а, Па-а-аша, – тянет она, пуская разряды удовольствия при помощи коротких, но ощутимых поцелуев в мою шею.

– Проведем их именно так, – опускаю жену на кровать, приподнимаю тонкую ткань свитера, целую в круглый, уже

прилично выступающий животик и почти мгновенно получаю отдачу в виде лёгкого толчка.

– Одобрение получено, – тихо смеется МОЯ Света, – и моё тоже, милый...

Света

Ощутимый пинок практически в место поцелуя, и моя крошка сразу же успокаивается. Так происходит всегда, когда Паша рядом. Мы делим нашу зашкаливающую радость с дочерью на двоих, полностью разлетаясь на мельчайшие частички, а затем вновь собираясь воедино. Теплое, невыносимое чувство близости со своей малышкой, той самой, что теперь еще сильнее связывает нас с мужем.

Часто ловлю себя на мысли, что вот он предел моих желаний и сбывшейся мечты, но Паша рушит все мыслимые и немыслимые границы, доказывая, что никаких пределов не существует, и полнота чувств и их же сила могут быть бесконечны.

Перехватываю его инициативу с предложением провести праздники, не покидая кровати.

Мне подходит! Более чем! Потому что последнее время основное, что меня волнует – это сон, секс и... еда... Радует то, что пока именно в таком порядке. Смущает то, что возросшая чувствительность позволяет получать разрядку чуть ли не от одного прикосновения, но и потребность в разрядке увеличилась почти на порядок.

Командировки Паши сведены к минимуму, но он все рав-

но с ревностью и неприязнью поглядывает на парочку девайсов из секс-шопа, подаренных мне Энджи в один из самых долгих его отъездов.

А сейчас я с готовностью сползаю с кровати, обхватывая его лодыжки, призывая занять мою самую любимую позу на краю кровати. Ничего не поделаешь, но увеличивающийся животик существенно ограничивает широту маневров, заставляя выискивать все более удобные и комфортные варианты по мере его роста. Хотя мы с Пашей, как незнающие устали юные исследователи, каждый раз случайно обнаруживаем или же наоборот стараемся целенаправленно тестировать все новые и новые позиции.

Сейчас же я отдаюсь на волю эмоций соскучившейся по своему мужчине женщины. Меняю нежные, лёгкие ласки, на более жесткие, трепетно наблюдая за его реакцией, за тем, как молниеносно сокращаются мышцы под кожей, когда я задеваю наиболее чувствительную зону, как его дыхание становится более размеренным, когда даю ему мимолетную передышку, чтобы почти сразу же усилить напор.

Мои руки скользят по до предела напряженному члену, и я чувствую каждый удар сердца мужа подушечками своих пальцев. Обхватываю поблескивающую от влаги головку губами, втягивая в себя горячую плоть, ощущая её жар своим нёбом, лаская и дразня ловкими движениями языка.

– Све-е-ет, полегче, милая, – он резко приподнимается, подхватывая под плечи, затыгивая к себе на кровать и сразу

же усаживая на себя.

Сдавленно охаю, потому что проникновение получается таким безумно чувственным, что отдается во всем моем теле восторженными нотками и запредельной, набирающей свою мощь волной возбуждения. Когда же Паша касается, всего лишь касается сосков большими пальцами, я чувствую, что готова кончить прямо сейчас.

– Стой, родная, не сейчас, ещё нет. Прости, просто твоя грудь такая... – восхищенно покачивает головой он, – что я напрочь забываю об этой долбанной чувствительности, – добавляет голосом полным тоски и сожаления.

– Будешь скучать по ней? – смеюсь я, приподнимаясь на бедрах и начиная скольльзящие ритмичные движения с обжигающим жаром разгоряченной плоти внутри себя.

– В моих силах не дать ей измениться при любом раскладе, – хитро мурчит он, а на моё притворное возмущение, лишь сильнее сжимает руки на талии, более чётко контролируя мои движения и позволяя ещё сильнее растянуть удовольствие, в итоге одновременно растворяясь в потрясающе ярком, фантастическом оргазме..

Перспектива лишиться после родов такого волшебного бонуса всерьёз толкает на размышления о том, что погодки это не так уж и тяжело, да и детям не будет скучно вместе. Да, это главное!

Спустя час, когда в дверь раздаётся требовательный стук, и следом мы выслушиваем возмущенную речь Пети, посвя-

ценную недопустимости игнорирования главного праздника года некоторыми совершенно несознательными элементами, мой телефон заливается рингтоном Энджи.

Шикаю на Петю с Пашей, незамедлительно принимая вызов:

– Ну? Эндж! Получилось?! – нервно вопрошаю я, пытаюсь одновременно скрестить пальцы на обеих руках.

Глава 6

Энджи

В скоростном режиме натягиваю на себя джинсы, осуждающе поглядывая на растянувшегося на кровати Женю.

– Давай я поеду с тобой? – ещё раз предлагает он. – Опыт переговоров у меня больше, а кроме того, я буду уверен, Эндж, что ты не застынешь и не будешь пялиться на Вику, как на Дне Рождения Ба.

Недовольно фыркаю. Подумаешь, тогда я просто не была готова видеть такую милую, привлекательную женщину, да ещё и ту самую, по которой отец сходил с ума больше четырёх месяцев! Это вообще нонсенс! Ему не отказывают! Ему предлагают себя, изворачиваясь в такие позы, что... Ага, через нас с Пашкой к нему тоже пробовали подкатывать, но для отца это сразу – "нет", поэтому те, кто подходил к делу с головой, подобных ошибок не совершали.

– Жень, там дело не в Вике, она уже готова.

– Правда? И кто же проверял степень готовности? – недоверчиво усмехается он.

– Ну кто-кто? Твои же любимые женщины и проверяли, – недовольно ворчу я, затягивая шнурки на ботинках. – Они проверяли, а мне теперь отдуваться и подчищать за ними хвосты.

Женя одним резким движением скатывается с кровати,

вставая передо мной во весь свой рост. Мои ботинки на плоской подошве дают в полной мере прочувствовать разницу между нами, несмотря на мои метр восемьдесят.

– Среди моих женщин нет таких неудачниц, – самодовольно скрещивая руки на груди, выдаёт он.

– Правда? – теперь уже выпрямляюсь я, с вызовом упирая руки в бока и высоко задирая подбородок. – Ну так уж и быть, одну я тебе прощу, её вполне оправдывает частичная потеря мобильности из-за увеличившихся размеров и наличие моего брата-собственника. Но вторая, имея прямой доступ к объекту, не смогла её качественно обработать? Или рыжая грива позволяет избирательно подходить к качеству выполняемой работы? – задаю я основной вопрос, ехидно улыбаясь.

– Мои... любимые... значит? – хмыкает он, не скрывая улыбку, делая особый акцент на "любимых" и рождая во мне не только волну возмущения, но и чертовой жгучей ревности. – У Регины тоже есть уважительная причина.

– Знаю я её уважительную причину и надеюсь, Богдану хватит ума быть с ней более гибким, чем с... – замолкаю.

– Чем с кем? – теперь его очередь выдвигать подбородок вперёд и демонстративно играть желваками.

– Жень, мне, правда, пора, и у меня все получится, – иду на попятную я.

Не даёт увернуться, быстро стискивая в объятьях, целуя по очереди то верхнюю, то нижнюю губу и, завершая эту

пытку настоящим охренительным поцелуем, от которого в коленях мгновенно возникает предательская слабость.

– Даже не сомневаюсь. Просто если что не так, ты же помнишь, что нас двое?

Я помню, в ответ захватывая его шею в кольцо своих рук и возвращая не менее жаркий поцелуй. В отличие от моих коленей, в Жене проявляется сила, которую я явственно чувствую своим плотно прижатым к нему животом.

– Иди уже и не пугай Вику, – говорит он таким чувственным голосом, что мне приходится с усилием выметаться из комнаты, поскольку желание остаться превышает все нормы допустимого.

– Все быстренько сделаю и вернусь, и никуда ты от меня, Рудов, не денешься! Я что зря с тобой собираюсь встречать Новый год? – бормочу себе под нос и, уже вылетая из дома, на ходу натягивая куртку, сталкиваюсь с отцом.

Напряжен.

– Пап, извини, я немного задержалась, но мы с Матвеем Ильичем уже выезжаем, – оправдываясь, краснею я.

– Все нормально, Энджи, – улыбается так мягко и подобному, что я еще сильнее вязну в чувстве стыда.

Притягивает меня к себе, обнимая и поглаживая по волосам.

Ещё чуть-чуть и я разведу настоящую сырость.

– Я вернусь с Викой, – выворачиваюсь из его рук, мысленно прося Вселенную быть на моей стороне.

Машина выезжает из ворот, и через тридцать минут я стою на проходной Викиного комплекса, охраняемого наравне с нашим собственным особняком.

Меня что ещё и обыскивать будут?

Глава 7

Виктория

Последние мелкие детали и наш новогодний стол сервирован.

Инга отступает от него на пару шагов, с восторгом осматривая плоды нашего совместного дизайнерского мастерства. Затем резко разворачивается, и в который раз за вечер крепко меня обнимает.

– Мамочка, мы такие молодцы! – закидывает голову, покачивая завитыми локонами из стороны в сторону.

От своих я избавилась месяц назад, несмотря на нежную к ним любовь. Новое дело, новые обстоятельства и регулярный приступ тошноты при воспоминании, что обвиняемый творил с жертвой. Вздрагиваю, стараясь избавиться от мерзкого воспоминания, теперь мне потребуется несколько минут, чтобы восстановить душевное равновесие, но они у меня есть и спасительные дыхательные техники из йоги, позволяющие брать под контроль своё эмоциональное состояние. Не будь их, я бы недолго протянула на работе своей мечты.

– Да, молодцы! – соглашаюсь с Ингой. – Но ты самая большая умничка, зайка! Чем хочешь заняться?

– Давай доделаем зимнюю карту! – сверкает она своими глазенками и расплывается в счастливой улыбке.

– Согласна, но форма одежды рабочая, – с усмешкой напо-

минаю я, уже заранее представляя нас за праздничным столом в образах настоящих фей – с ног до головы сверкающих разноцветными блестками. С другой стороны, мы у себя дома, почему бы не посверкать?

Инга быстро разворачивает мобильную мастерскую у себя в комнате и даже повязывает косынку на волосы. Сказывается опыт работы с красками, которые мы отмываем даже из ушей, когда на юного художника находит настоящее вдохновение.

Я выключаю основной свет, оставляя лишь освещение над рабочим столом, а дочь щелкает кнопкой гирлянды, и мы переносимся в настоящую сказку.

Господи, спасибо, тебе за моё маленькое... родное чудо... Обнимаю Ингу за худенькие плечики. Заглядываю поверх её головы в расположившийся перед нами холст. Он уже натянут на подрамник и наполовину заполнен делами и планами дочери на две трети оставшейся зимы. Рисунки, надписи, фотографии, наклейки и центральное место отведено специально под "Новый год". Именно эту надпись Инга сейчас тщательно выводит ярким красным фломастером. Берусь за лист бумаги, чтобы внести свою лепту и... возвращаю взгляд к фотографиям.

С одной из них мне очаровательно улыбается Света, снятая Ингой, судя по всему, на собственный телефон без предупреждения. Инга такое любит. Их занятия со Светой носят непринужденный, дружеский характер, поэтому ничего

странного.

Странно другое. Позади Светы в кресле я вижу комфортно расположившегося Верова. И что же это, Иван Сергеевич, вы забыли на сеансе психотерапии у несовершеннолетней, тут же услужливо подбрасывает память наиболее подходящую формулировку для обвинительной речи.

И Света? Как она согласилась? Это же... Рой мыслей заполняет голову с такой скоростью, что я упираюсь в стол, чтобы удержаться на ногах. Страх за ребёнка, бьёт прямо под дых, перетягивая внимание на себя и не позволяя принять доводы разума.

– Инга, – чувствую себя, как на чертовой работе, когда нужно отбросить эмоции и просто провести допрос. Руки начинают мелко подрагивать. – Ты знакома с Иваном Сергеевичем?

– Кто это? – нейтрально интересуется она и, сосредоточенно высунув кончик языка, пытается дотянуться им до носа.

– Он, – демонстрирую фото на своей ладони.

– А-а-а... – тянет она. – Это Иван, да.

Молчание.

Да что ж это такое? Голову сдавливают так, словно меня без предупреждения мгновенно закинули на глубину в двести метров.

– Иван?

– Ну да, мам, ты его знаешь, он же... – запинается, – де-

душка... Мам, ну какой он дедушка? – тут же возмущенно добавляет она, оборачиваясь и широко распахивая глаза.

– Так чей дедушка, Инга? – возвращаю я её к деталям.

– Пети и Феди, чей же ещё? – выдаёт она непреложную истину.

– И часто... Иван приходил на ваши занятия со Светой? – говорю и сжимаю челюсть чуть ли не до хруста.

– Нет, один раз, мам. Он такой же, как ты, у него очень много работы.

Меня слегка отпускает.

– Ну и какой дедушка у близнецов?

– Иван? – игнорирует мой акцент его социальной роли. – Он... красивый... сильный... смешной... – сообщает так буднично, как будто описывает персонажа понравившегося мультика.

Ну, красивый Иван Сергеевич, держитесь...

Вызов по внутренней связи.

С трудом сдерживаюсь, чтобы сразу же не набрать номер Светы и не потребовать объяснений по поводу нарушения правил проведения индивидуальных сеансов.

Ко мне кто?

Госпожа Верова?

Впадаю в ступор, не понимая о ком идёт речь. Вереница женщин Ивана мелькает перед моим взором, но он же не был женат, или был? Мать? Умерла много лет назад, Ольга Викторовна, его тёща, да и то чисто номинально, её дочь, мать

Паши, никогда не была замужем за Веровым.

– Верова Анжела, – уточняет охранник, возвращая меня из размышлений о навороченных связях семейства Веровых.

– Анжела? Я не...

– Верова Анжела Ивановна.

– Энджи? – наконец-то, доходит до меня.

– А я сразу что сказала? Протокол-протокол, – слышу возмущенные возгласы Энджи.

– Одна. Цель визита: вручение новогодних подарков. Время визита: "как пойдет" отклонено. Ваше подтверждение, Виктория Юрьевна?

Переговорщик? Странный выбор.

Но дочь – это хорошо. Дочь – это та, кто с собственной позиции отлично поймет, что чувствует Инга. Что чувствую я... в её положении навряд ли. Это не тот случай, когда можно взывать к материнским чувствам. Хотя Ольга Викторовна упоминала, что прогресс внучки в её отношениях с сыновьями очевиден.

– Подтверждаю. Время визита – 40 минут.

– Принято.

Выключаю селектор и захожу обратно в комнату к дочери.

– Инга, ко мне ненадолго заглянет подруга, нам нужно обсудить дела.

– Регина? – вскидывается она.

– Нет, моя хорошая, другая, вы незнакомы. Побудешь у себя, пока мы поговорим?

– Опять работа... – разочарованно дует губы она. – Хорошо, мамочка.

– Спасибо, милая, – выхожу в прихожую, направляясь к двери, в которую уже несколько раз требовательно звонят. А вы, Веровы, настойчивые!

Открываю дверь.

Поднимаю глаза, потому что Энджи на двадцать сантиметров выше меня. Вижу, как напряженное лицо светлеет, и по губам расплзается искренняя, очаровательная улыбка.

– Здравствуй, Энджи, проходи, – приглашаю её в квартиру, но она, словно приклеенная, остаётся на месте. – Энджи... – повторяю я.

Склоняет голову набок, немного нервно закусывая губу.

– Можно? – слегка разводит руки в стороны, спрашивая разрешение обнять.

Я привыкшая. Моя внешность располагает. Мы не настолько близко знакомы, да и разговор нам предстоит совсем недружеский, но этот искренний блеск в глазах и желание поделиться теплом...

– Можно, – киваю я, и через миг меня обхватывают с виду такие тонкие, а в реальности же очень сильные руки дочери Верева.

– Вы невероятная, Вика! Спасибо! – говорит она громким шепотом, который внезапно прерывает возмущенный вопль:

– Это моя ма-а-ама! Отпусти ее!

Глава 8

Энджи

Та-а-ак, и кто это у нас тут такой возмущённый?

Не спешу выпускать Викторию из рук, через её же плечо разглядывая мелкого, разгневанного ангелочка или чертёнка? Косынка надёжно скрывает обзор как одного, так и второго характерного признака.

Но по полыхающему возмущению в глазах понимаю, что лучше все-таки сменить положение.

Понимает это и Виктория, проворно разворачиваясь к дочери и предпринимая попытку урегулировать возникшее недопонимание.

Непонимание ли? Или тут всё ещё настолько жёстко, что любые посягательства на пространство вокруг самого близкого человека воспринимаются, как прямая угроза?

Чёрт, папка, тебе не позавидуешь!

Сначала Пашка, потом я, затем близнецы и вот новый вызов, который ты уже принял.

Вздрагиваю от внезапного холодка пробежавшего по спине и от одной только мысли, что всё пережитое с близнецами может вернуться. Вся та боль, моя и их...

Ничего! Мы же Веровы, мы и не с таким справлялись.

Следую по направлению побега Инги и поспешившей за ней Вики.

За мной никогда никто не бегал, в тот единственный раз, когда мне захотелось оставить рядом с собой первого надежного человека, появившегося в жизни матери, она чётко дала мне понять, куда я могу засунуть своё желание. И сейчас, наблюдая, как Вика, усадив дочь на колени и прижав к себе, очень спокойно, чётко и размеренно объясняет, почему ей совсем не стоит волноваться, я впервые в жизни начинаю испытывать зависть к ребёнку. К тому, что в её жизни есть этот момент, что её не бросают один на один разбираться со своим страхом, не позволяют сделать его главным, подчинить себе разум ещё не способный противостоять таким сильным эмоциям...

Выдыхаю, сразу же делая глубокий вдох, пытаюсь как можно быстрее избавиться от охватившего напряжения. Несколько бесшумных шагов к столу, и я попадаю в зону, освещённую двумя яркими лампами.

Непроизвольно улыбаюсь. Моя стихия, только с поправкой на "всё для маленьких принцесс". Тысяча пятьсот оттенков розового, столько же вариантов блесков, сердечки, розочки, завитушки. Я бы сунула пальцы в рот от такого обилия сладости и зашкаливающей мимишности, но меня реально восхищает проделанная работа. Да, я вижу, где прошла рука взрослого, но большая часть – это несколько десятков часов, проведённых над созданием своей собственной реальности обычной девчонки со своими мечтами, вкусом и предпочтениями.

”Новый год”. ”Мама и Я”. Карандашный рисунок, где за непропорционально большим столом, действительно, они. Вдвоём.

Бросаю быстрый взгляд в сторону, где Виктория всё ещё продолжает свою успокоительную речь. Одним ловким движением поднимаю карандаш со стола и...

– Энджи, и ты, и я прекрасно понимаем сложившуюся ситуацию, – поясняет мне Вика, своё решение отменить свой визит к нам на праздник. – Если честно, я удивлена, что отец прислал именно тебя.

– Ничего удивительного, – вклиниваюсь я, потому что знаю, если не сработает моя идея с Ингой, у меня нет никаких шансов уговорить и её мать. – Если бы он приехал сам, вы бы тем более прикрылись дочерью, как щитом, – моментально похолодевший взгляд говорит о том, что ей очень не нравится ход моих мыслей, но меня уже не остановить. Мне нужно время, чтобы оно было у Инги. – Свете, скорее всего, удалось бы уговорить и вас, и Ингу, но мы бы лишились вас сразу же после полуночи. Верно?

– Верно... – нехотя соглашается она, внимательно разглядывая моё лицо, как будто видит впервые. Хотя в общем-то это только вторая наша встреча, потому что во время первой у нас не было возможности познакомиться поближе, во-первых, потому что это было День Рождения Ба, во-вторых, именно тогда Женя сделал мне официальное предложение.

– Вика, – решаюсь произнести то, о чем, скорее всего, пожалуй, и абсолютно точно получу от отца, если он об этом узнает, – вы будете круглой душой, если даже не попробуете. И Инга, когда вырастит, скажет вам то же самое, только уже в прошедшем времени, когда не будет никакой возможности ничего изменить.

На её лице отражается вспышка негодования, вызванная моей наглостью. Да, я говорю то, что думаю, более мягкая формулировка из моих уст прозвучала бы просто смешно...

– Из моих двадцати лет, только десять я провела рядом с ним, – не даю Виктории меня остановить. – Было... по-разному... Но даже один хороший день рядом с ним стоит всех "плохих" вместе взятых. И да... за "плохие" дни ответственность лежит полностью на мне, – не люблю вспоминать эти моменты, но это честно, и это самое малое, на что я готова идти ради отца.

– Я ценю твоё признание, Энджи, но я так же как и твой отец ставлю благополучие моей дочери выше своего собственного.

Охреневаю от того, как ловко можно перевернуть одну и ту же информацию.

Пытаюсь уточнить, что я даже не заикалась о жертвенности, но теперь уже она твердым, не трепящим возражения тоном заявляет:

– Мы можем ещё долго дискутировать на данную тему, но факт остаётся фактом, Энджи. На данный момент психиче-

ское состояние моей дочери в приоритете. А время твоего визита подходит к концу. Извини, у меня с этим строго. Я искренне желаю всей вашей семье отличной встречи Нового Года! Ещё раз спасибо за приглашение, но я вынуждена его отклонить.

Чёрт-чёрт-чёрт! Все должно быть совсем не так!

Она поднимается, явно демонстрируя, что разговор окончен, и мне пора выметаться.

– Вика, а что вы будете делать, когда поймете, что совершили ошибку? – предпринимаю я последнюю попытку переломить ситуацию.

– Мама никогда не ошибается. Она выигрывает все дела. Она самая умная! – раздаётся уверенный голос от двери в гостиную. – Я готова, – объявляет Инга, застегивая пуговицы на пальто. – Но нам нужны подарки и, мамочка, мы должны взять с собой наш ореховый пирог, он очень вкусный... я уже попробовала маленький кусочек, – добавляет она, пряча глаза.

О, да! Ты ж моя маленькая умница! И какая жалость, что я не смогу показать отцу, это милое растерянное выражение лица Вики, птички, попавшейся в ловушку. Стоп! Почему не смогу?! Нарисую, будет ещё одним моим подарком на этот Новый год!

– Виктория, так чего вы ждете? – говорю, специально растягивая слова и хитро ухмыляясь. – Если вам нужно время, чтобы переодеться, предупредите, пожалуйста, охрану. Бу-

дет очень неприятно, если меня обвинят в нарушении протокола и вышвырнут, не разобравшись, что к чему.

– Э-э-энджи, – её голос полон укора и осуждения, да, я понимаю, что неправа, мне ли не знать с чем связана её работа, но мне всё ещё обидно за отца, которого она только что хотела отшить.

Да, я чертова эгоистка, но я почему-то уверена, что именно с ней у него есть шанс, наконец-то, стать счастливым.

– Поторапливайтесь, Виктория, а мы с Ингой позаботимся об ореховом пироге. Дегустация не запрещена? – обращаюсь я к уже полностью одетой девочке.

– Что? – непонимающе переспрашивает она, отступая назад и пропуская меня вперёд.

Цепляю её ладошку и тяну к кухне.

– Обожаю ореховые пироги, но такой ли он вкусный? – подмигиваю я ей.

– Он самый вкусный! – сразу же реагирует она, смешно выпячивая нижнюю губу и взяв обгон, уже сама тащит меня за собой.

– Не знаю, не знаю, – показательно сомневаюсь я.

– Инга Логинова всегда отвечает за свои слова! – выдаёт она очень серьёзно, поднося к моему рту кусочек пирога.

Эй, детка, да у тебя есть все шансы стать настоящей Веровой! – с восхищением оцениваю я подачу и эмоциональный напор. "Добро пожаловать в семью!" – выношу свой мысленный вердикт, дожевывая просто охрентельно вкусный пи-

por!

Глава 9

Виктория

Первую минуту я хоть как-то пытаюсь привести мысли в порядок.

Что произошло? Инга никогда не меняет своих решений так спонтанно, и чуть менее пятнадцати минут назад мы договорились, что этот вечер только наш. Её и мой. И вот она уже при полном параде готова отправиться на праздник.

Я почти уверена в очередной эмоциональной вспышке, когда Энджи берет дочь за руку, показательно сомневаясь в её высказывании относительно вкусовых достоинств пирога.

Боже... Энджи, такая Энджи! Но... Инга не только не вырывает ладошку, а, наоборот, без малейшего сомнения вступает в игру.

Да... я не могу позволить себе так рисковать. Вся моя жизнь сведена к минимальному проявлению подобной спонтанности. И от этого я ещё сильнее завидую этой, всё ещё девчонке, у которой есть надёжный тыл, куда всегда можно вернуться, где всегда поддержат в случае неудачи...

И мне предлагают... присоединиться...

Связываюсь с охраной, продлевая визит гостыи и предупреждая Андрея об очередной смене планов. Принимает, уточняя несколько деталей и сообщая, что все контакты СБ Верова у него уже есть, поэтому задержка в плане согласо-

вания действий отсутствует.

Уже есть. А значит одобрение подобных действий со стороны Ирмы, нашей работодательницы тоже получено... Весь этот расклад ей явно не на пользу. Моё решение связать свою жизнь с Ингой она встретила более чем прохладно. Но не препятствовала, оставив меня один на один с самым сложным принятием решения в моей жизни. И вот опять меня переполняет леденящий страх допустить ошибку, но сейчас ответственность ещё выше, потому что я уже не одна!

Встряхиваю кистями рук, разводя плечи и вытягивая шею. Не люблю, когда меня загоняют в угол. А сейчас кажется, что я физически ощущаю сдвигающиеся со всех сторон стены, которые с каждой секундой оставляют мне все меньше и меньше пространства для маневра.

Какого маневра? Пора честно признаться себе, что я и так безбожно затянула ситуацию в надежде, что все разрешится само собой. В надежде, что он окажется именно таким, каким должен быть согласно всей имеющейся у меня информации и мною же сделанным выводам.

В последнее время я не ошибалась в людях.

И поэтому меня ещё больше пугает его настойчивость и терпение, для которых у меня нет адекватного объяснения. О неадекватном я стараюсь не думать... Охотничий азарт и желание во что бы то ни стало заполучить намеченную цель, при этом используя всех вокруг... даже самых близких...

– Хватит! – жёстко прерываю поток мыслей, приобретаю-

щий характеристики селевого прорыва. – Это отличная возможность расставить все точки над "i", – убеждаю себя я, опираясь на стол в комнате дочери, куда пришла взять пару вещей, которые могут пригодиться.

Замираю, уставившись на рисунок в центре холста.

"Новый Год". "Мама и Я".

"И вся МОЯ СЕМЬЯ".

Уверенная каллиграфическая надпись. Сердце предательски сжимается в болезненном спазме. Это запрещённый приём.

Э-э-энджи...

Перевожу взгляд чуть выше...

Это... контрольный...

Инга словно специально оставила для этой наглой манипуляторши столько свободного пространства на рисунке. И она умудрилась усадить за стол всех!

Ольга Викторовна не преувеличивала, расхваливая художественный талант внучки. Сколько у неё было пять, десять минут? В памяти всплывает лишь смутный силуэт маячивший у стола, пока я успокаивала Ингу.

Ей хватило.

За столом действительно ВСЯ семья. По паре десятков карандашных штрихов на каждого, и вот Света справа от Инги с рукой на виднеющемся животике и надёжной опорой в виде Паши за спиной.

Ольга Викторовна с идеально узнаваемой улыбкой и чаш-

кой чая. Слева уже от меня сама Энджи с хохочущим Петей, торчащим из подмышки. Да! Именно Петей! Я видела его только четыре раза, но их с Федором невозможно перепутать! Потому что Федя, комфортно обосновался на шее у Жени с абсолютно счастливым выражением лица.

И глава семьи... Его обе руки расположены на наших плечах. Моём и Инги. Ровные, четкие линии пересекаются со слабыми и неуверенными, но они не выглядят чужеродными. Каким-то неподвластным моему пониманию образом Энджи удалось так гармонично вписать нас в СВОЮ семью, что мы действительно выглядим её частью...

Единым целым...

И Инга это почувствовала...

Прикрываю веки, глуша бушующие эмоции... Жаль, что жизнь нельзя откорректировать с такой же лёгкостью, как карандашный рисунок. Провожу пальцем по глазам Ивана, прорисованным с особой тщательностью.

Я должна попробовать.

Мы в дороге уже двадцать минут и все двадцать минут я постоянно напоминаю себе, держать рот закрытым, чтобы не вспугнуть и не прервать беседу между Ингой и Энджи. Ещё не до конца осознавая, чем она так важна, я чувствую, что не должна вмешиваться.

И на меня в очередной раз накатывает волна страха от того, что дочь с такой лёгкостью открывается совершенно

чужому человеку. Уже не чужому. Энджи не манипулятор, как показалось мне изначально, хотя, безусловно, она чётко определила для себя цель и задачу. Она делает то, в чем нуждалась бы сама в подобной ситуации. В чем, возможно, нуждается до сих пор и оттого так тонко чувствует грань, за которую не стоит выходить... Пока...

– Инга, – аккуратно завершает она предыдущую часть беседы, – мы обязательно поговорим с тобой об этом ещё, но сейчас смотри, мы уже приехали – здесь мы живём.

Инга прилипает к окну, рассматривая окрестности, погруженные в сумерки и, когда мы уже въезжаем в ворота, каким-то тихим, тоненьким голоском с робкими проблесками надежды спрашивает:

– А у вас есть собачка?

У меня резко начинает щипать в глазах и носу. Быстро отвожу голову в сторону.

Она никогда не говорила о собаках. Я люблю кошек, но мой график... И она всегда рисовала в подарок мне именно их.

Собак... Никогда...

Стараюсь как можно незаметнее смахнуть слёзы во внутренних уголках глаз, но их слишком много и приходится разбираться уже с последствиями.

– Конечно, как же без неё? – удивленно подтверждает Энджи, совершая ещё один маневр, о котором ещё час назад я заявила бы, как о провальном.

Она подхватывает Ингу подмышки, перетягивая её на колени и плотно прижимая к себе, и сообщает:

– Ставриуша будет безумно рад с тобой познакомиться, он терпеть не может мальчишек, но обожает всех девочек.

И дочь, моя дочь, которая не выносит ни единого лишнего к себе касания, расслабленно оседает в объятиях Энджи, кивает и серьёзно соглашается:

– Потому что девочки лучше.

– Ну-у-у... – тянет Энджи, – мальчики у нас тоже ничего, но мы-то ещё и красивые.

И они уже на пару начинают радостно хихикать. Девчонки!

– Тогда Ставриуша точно любит и Ивана, – авторитетно добавляет Инга, резво выпрыгивая из уже притормозившей машины, Энджи многозначительно разводит руками, подтверждая сказанное и требуя того же от меня.

– А что, кто-то в этом ещё сомневается? – фыркаю я, выходя из машины, поворачивая голову к дому и понимая, что ловушка захлопнулась...

Секунду он стоит на террасе, словно не веря своим глазам. А через миг уже подходит к нам, пуская в ход всё своё чёртово обаяние, от которого мой мозг превращается в сахарную вату – лёгкую, воздушную и естественно любимого цвета Инги.

Что не так?

Сердце просто отказывается подчиняться, задавая ка-

кой-то безумный, только ему понятный ритм, а я понимаю, что, по большому счёту, это наша первая неформальная встреча, и у меня ни малейшего представления, как себя вести...

Ма-а-амочки!

Глава 10

Иван

Спустя час я всё ещё на улице, хотя уже давным-давно следовало бы зайти в дом, заняться делами, которых, несмотря на праздники, не стало меньше. Как бы не больше...

Облокачиваюсь на перила, рассматривая перчатки с прилипшими к ним снежинками, переливающимися в свете новогодних гирлянд, основательно затянувших весь дом и все деревья вдоль центральной аллеи.

– Новый год должен быть сказочным! – заявила дочь и потратила чуть ли не месяц, приводя окружающее пространство в соответствие только ей известному стандарту. – Хочу, чтобы весь следующий год был сказкой! – уточнила она, и ещё два часа вся семья в красках обсуждала, что и нынешний вполне себе тянет на этот литературный жанр.

Семья.

Подношу перчатки к лицу, охлаждая виски, до сих пор не растаявшим снегом на кончиках пальцев. По ощущениям – лёд, попавший на раскаленный летним зноем камень...

События последних месяцев, и правда, похожи на сказку, и даже со счастливым концом... Почти для всех...

Мне всегда везло... По-крупному... Да, всегда... Всегда предлагали и сами же всё давали...

За всю жизнь несколько действительно серьёзных соб-

ственных просьб... Не за себя... за близких.

За Павла, когда увидев его разбитое в хлам лицо, впервые в жизни испугался, что могу его потерять.

За Энджи, когда доктор, ведущий её беременность, вывалил на меня неутешительный прогноз всего того, что может пойти не так.

За Свету, когда от нас практически ничего не зависело, и почти то же самое повторилось со внуком.

В сравнении с этим моё нынешнее желание выглядит эгоистично и не слишком оправдано. Но оно первое, выбивающиеся из стандартного списка желаний, которое мне хочется загадать под бой курантов на Новый год за последние... сколько лет?..

Женщина, которая сначала выбила почву у меня из-под ног там, где это с трудом удавалось даже мужчинам. А затем каким-то невероятным образом день за днём она же заполнила все мои мысли...

Вика, даже если у Энджи сегодня ничего не выйдет, у тебя все равно нет никаких шансов, потому что ты уже просыпаешься и засыпаешь вместе со мной. А это значит, всего лишь перемещение в пространстве. Для меня не проблема. Следовательно не проблема и для моей женщины.

– Федь, быстрее, мы можем успеть добраться до самой вершины! – слышу взволнованный голос Пети, мотивирующий брата на очередные свершения.

Разворачиваюсь, внимательно осматривая собравшуюся в

путь экспедицию.

– Деда? А ты чего не дома? Там же без тебя... – запинаясь внук, обдумывая лучший вариант моего применения: – Женя скучает.

Еле сдерживаю смех.

С Женей мы так плотно, практически круглосуточно, общаемся последний месяц, что заскучает по мне он очень и очень нескоро.

– Что с ним? – понижаю голос, зная, что это сразу же избавит меня от их умелых уверток.

Пока, хвала Господу, работает.

– Ну деда, всё с ним хорошо! – примирительно встревает Фёдор. – Он просто устал.

– Спит он! Нам ещё Джамбо и Корсара ночью запускать! Ему нужны силы! Не буди его, деда! И маме запрети, как приедет! – перебивает брата назидательным тоном Петя. – А то она...

Тут уже я прерываю разговор, который может много куда вывести:

– И куда же вы собрались?

Петр быстро отводит глаза, а вот Федя полностью выдерживает мой взгляд и чётко, без единой запинки отвечает:

– Как куда, деда? Подышать свежим воздухом в саду.

Делает наигранно глубокий вдох, важно засовывая руки в кармашки куртки.

Ещё лет пять и его вообще невозможно будет поймать на

джи, потому что это дар, врать с абсолютно невинным лицом. Радуюсь только тому, что он достался Федору, у которого всё, что можно скрыть в разы проще, чем у Петра. И слава богу!

– А как же подъём на вершину? – загоняю их в угол я.

Ещё год назад это были бы замершие в восторге лица из-за веры в мои суперсилы. Сейчас прищуренные глаза, подзревающие, что что-то здесь не так.

– Он слышал, – шепотом делится пониманием ситуации с Петром Федя.

Они оба сокрушенно вздыхают.

– А теперь объясните мне, почему вам нельзя лезть на эту снежную гору, – киваю на возвышающуюся перед окнами кучу снега.

Объясняют то, что уже слышали сегодня от меня, Светы и Паши.

– Так в чем дело? Завтра, когда её утрамбуют, она будет в вашем распоряжении.

– Ну, деда, как ты не понимаешь? – с настоящим страданием в голосе стонет Петр. – Она же станет меньше!!!

– Да, Петр. Зато никому не придётся выкапывать тебя из её центра, когда ты провалишься на самой вершине.

И только тут я понимаю, какую ошибку мы совершили. Глаза обоих внуков вспыхивают восторженными огоньками. Петя заводит руку за спину, откуда извлекает приличных размеров пластиковую лопату.

– Деда, так ведь это самое интересное! – говорит он голо-
сом сумасшедшего фанатика, помешанного на своей идее.

– Быстро в дом! К горе не подходить. У нас гости.

Двойной жалобный вздох. Но они разворачиваются и на-
правляются в дом, на ходу стягивая шапки.

– Инга мне не нравится, – пыхтит Петя. – Она обозвала
меня малышом.

– А ты обозвал её девчонкой, – парирует Федор.

– Так она и есть девчонка! – праведно возмущается внук.

– Ты сказал, что она не попадёт в цель и держит бластер,
как девчонка. Вот она и обиделась.

Мальчишки окончательно скрываются за дверью.

Да, нам однозначно ещё работать и работать над сказкой.

Звук открывающихся ворот, и минуту спустя я вижу подь-
езжающую машину Энджи. Достаяю из кармана телефон, стя-
гивая перчатки и проверяя на отсутствие "пропущенных".

Варианта может быть только два, но всё же... Если бы
план сорвался, она бы позвонила. Дочь знает, что значит
ожидание в таком деле.

Переступаю с ноги на ногу, пытаюсь сбросить оцепенение,
и только сейчас начинаю ощущать морозный холод послед-
него дня года.

Щелчок открывающейся двери.

Есть!

Раз. Два. Тричетырепятьшесть... Набирает разгон мой
пульс.

Розовое облачко, выпорхнувшее из двери.

Спасибо!

На несколько секунд теряю ориентацию из-за того, что учащенное сердцебиение мешает ещё раз освежить в памяти план действий. Да, у меня всегда есть план, тем более для таких приоритетных дел.

Таких... долгожданных... заманчивых... и более чем привлекательных... дел.

Спускаюсь вниз по ступеням, подмигивая и благодарно кивая дочери. Здравуюсь с Ингой.

Чего мне стоило уговорить Свету позволить поприсутствовать на их совместном сеансе с близнецами. Но цель достигнута, я – не чужой. К тому же при всей сложности ситуации Инги – это, на мой взгляд, детский лепет по сравнению с тем, что выкидывала в своё время Энджи.

Я справлюсь. Мы справимся.

Девочка улыбается, без стеснения протягивая руку.

И тут Энджи делает мне ещё один подарок.

– А давай мы не будем ждать и сразу заглянем к Ставрюше? – хитро подмигивает мне дочь, переводя серьёзный взгляд на Вику и далее от души улыбаясь Инге.

Та в свою очередь оборачивается на маму с надеждой и просьбой в глазах.

Вздых. Взгляд Вики на Энджи, сообщающий, что ещё раз такой номер с ней не пройдёт, но... она согласно кивает и под радостное восклицание дочери, девчонки быстро скры-

ваются из вида.

Ощущение того, что моя мечта на моих же глазах становится явью невыносимо. По всему телу разливается какая-то ядерная смесь, обогащенная невероятным, судя по всему, запрещенным составом, потому что находясь в такой эйфории, организм однозначно долго не протянет. В основном из-за нежелания попусту тратить время на сон и еду. Да, у меня только одно на уме и я намерен донести это до Вики прямо сейчас.

Не даю ей совершить маневр, с лёгкостью блокируя там же у двери машины.

– Я рад, что ты передумала, – касаюсь рукой ее подстриженных волос.

Зрачки чуть расширяются, но она не отстраняется, все так же неотрывно смотря мне в глаза и не отводя свой взгляд.

– Хочешь спросить почему?

Мой взгляд в свою очередь опускается немного ниже, и я чисто физически не могу оторвать его от её приоткрытых губ.

– Нет, – проскальзываю руками вдоль её талии, обхватывая и уверенно прижимая к себе. – Хочу целовать тебя столько, сколько ты задолжала мне за все эти полгода.

Вижу возмущение в широко распахнувшихся глазах, но...

Осторожное касание её верхней губы. Я лишь слегка дразню её языком, нежно втягивая в рот, чтобы тут же выпустить и проделать тоже самое с нижней. А вот теперь, милая, ты го-

това к большому. Поднимаю правую руку, запуская её в мягкие, шелковистые волосы и слегка сдавливая затылок, помогаю преодолеть последнее смущение. Полностью накрываю её губы своими, чувствуя, с какой жадностью она делает вдох носом, моментально разделяя со мной своё тёплое дыхание. А дальше она наглядно демонстрирует мне насколько важным для неё является партнерство – острый язычок Вики способен не только на мастерскую защиту прав подзащитных...

От дальнейших фантазий с его участием меня сдерживает лишь осознание того, что наш праздничный ужин уже на носу, а я на грани того, чтобы отказаться от него полностью и прямо сейчас затащить Вику в спальню, не выпуская до...

А вот вообще не выпуская!

– Веров, ты всерьёз раздумываешь, как бы сбежать с ужина? – слегка отстранившись и, переводя сбивающееся дыхание, с ироничной, еще больше сводящей с ума, улыбкой интересуется она.

– А ты не против? – мне что, вообще досталась идеальная женщина?

– Конечно, против! Я не собираюсь из-за этого, – немного смущаясь, опускает Вика глаза вниз, – портить впечатление о себе на вашем семейном празднике.

– На нашем, милая, уже на нашем... – не выдерживаю я, целуя её с ещё большим напором и получая в ответ сомкнувшийся захват её прохладных рук на моей шее.

К черту ужин!

– Де-е-еда! Пора-а-а домо-о-ой! – встряхивает нас до безобразия довольный крик Петра.

Но за этот мягкий, счастливый смех Вики, это точно сойдет ему с рук.

Глава 11

Виктория

Стою. Нет, не стою... Моё состояние не поддается точному описанию. Больше всего оно напоминает легкий, невероятно счастливый сон, после которого, даже проснувшись, ты продолжаешь ощущать радость заполнившую каждую клеточку твоего тела...

Я не хочу просыпаться. Пусть хотя бы этот вечер станет той светлой сказкой, которую можно будет бережно хранить в памяти ещё долгое-долгое время.

Поднимаю руки вверх, немного распахивая ворот пальто, специально проводя ребрами ладоней по шее Ивана, чтобы только частично почувствовать тепло кожи. Затем соединяю их у него на затылке, не забывая погладить линию роста волос, и тут же моя прохлада встречается с его жаром...

Морозный зимний вечер мне в помощь? Как бы не так! Руки моментально согреваются. Я, словно проводник, пропускаю через себя какую-то запредельную температуру, которая, чтобы не сжечь меня, вырывается во внешнее пространство.

Хочу открыть глаза и проверить. Потому что все сильнее укрепляюсь в ощущении, что мы перенеслись в лето – томное, слегка душное, наполненное невероятным количеством запахов цветущей природы. Вдыхаю их, ещё плотнее прижи-

маясь носом к коже моего мужчины...

Моего?..

Выдыхаю, с облегчением радуясь тому, что Петр так ловко отпугнул вновь встрепенувшийся поток моих сомнений.

Не сейчас!

Сейчас праздник!

Иван чуть ли не на руках вносит меня в дом, или я просто до сих пор не чувствую своих ног?

Как-то сверхбережно помогает мне снять пальто и в этот раз уже недовольно выпускает воздух из ноздрей, когда внуки дружной парой здороваются и сообщают, что все только меня и ждут!

Присаживаюсь, приветствуя каждого.

Петя, хитро улыбаясь, по-деловому жмет руку. А Федор, пару раз хлопнув своими невероятными ресницами, вдруг неожиданно подается вперед и целует меня в щеку.

Чем незамедлительно вызывает реакцию Ивана:

– Вы, надеюсь, помните, что Вика МОЯ гостя?

Да, я тоже помню, что при нашей первой встрече на дне рождения Ольги Викторовны, за моё внимание уже произошло небольшое сражение.

Близнецы дружно кивают, но по усилившемуся блеску глаз, это согласие больше похоже на вызов.

Оборачиваюсь, наталкиваясь на тот же блеск...

Боже! Ну взрослый же человек!

– Иван, – начинаю я.

Но он прерывает, медленно подхватывая меня под руку, заставляя сократить дистанцию, и тихим уверенным голосом сообщает на ухо, опять вызывая активизацию только-только успокоившихся мурашек:

– Здесь ВСЕ в курсе, что ТЫ МОЯ гостя, поэтому не удивляйся, если я буду время от времени напоминать это особо забывчивым, – продолжает он, все ближе и ближе притягивая меня себе.

Напрягаюсь, ожидая усиленного напора, но он лишь слегка скользит своими губами по моим, как удачное касание борта машины, когда не остаётся даже царапины, и... всё...

Напряжение мгновенно сменяется удивлением и сразу же возмущением, смешанным с острым желанием ответить так, чтобы это была не просто царапина, а вмятина по большей части поверхности, но он лишает меня этой возможности, вдруг решая, что уже действительно пора ко всем.

Беспроегрывная тактика, Иван Сергеевич... А сами-то долго продержитесь?

Заводит меня в гостиную, по которой сразу становится ясно, что времени, средств и стараний на её декор было потрачено много. При этом она вызывает просто непередаваемое чувство уюта, гармоничности пребывания. Бросаю взгляд на стену, где оформлена ёлка из рамок с новогодними фотографиями предыдущих лет. Выхватываю одну из самых больших, где уже присутствуют близнецы. Сколько им там? Четыре-пять месяцев? Федора узнаю по ресницам, он на ру-

ках у какой-то светленькой девушки, нежно прижимающей его головку к своей щеке и, кажется, безумно счастливой, в противовес Энджи, голова которой расположена у неё же на плече, а лицо выражает скорбную терпимость. Павел, совсем как мальчишка, обнимает Ольгу Викторовну за плечи, но она все равно теряется на его фоне. Петр на руках у Ивана с таким же серьезным выражением лица, как и у деда, отчего их сходство ещё более поразительно. Они – семья, даже не в самые лучшие моменты своей жизни...

Отрываюсь, реагируя на голос Ивана:

– У тебя будет возможность изучить это всё внимательнее, я с удовольствием отвечу на любые твои вопросы, но позже, – перехватывает мою талию и разворачивает по направлению ко всем уже собравшимся в гостиной. – Наш главный гость прибыл и мы можем начинать!

Хочется немного отступить и прикрыть лицо руками, потому что сейчас это как толчок в спину на сцену в свет прожекторов сошедшихся только на тебе. Дыхание перехватывает. Я не боюсь сцены, моя работа практически то же самое, просто в более камерном и, откровенно говоря, специфическом жанре, но сейчас это другое. Сейчас это оценка не специалиста, а лично меня. И даже будучи совершенно уверенной в своём полном принятии, мне все равно страшно. Буквально секунду, потому что ровно через неё, моя спина, а затем и все пространство вокруг становятся окружены плотным защитным полем, тем, что дарит ЕГО близость.

Рука сначала ложится на плечо, а затем спокойным, точным движением обхватывает меня поверх груди, практически достигая пальцами второго плеча. Кажется, лицо тут же заливает румянец, потому что этот жест, на мой взгляд, выглядит ещё более интимным, чем откровенный поцелуй на публику. Все же решаюсь поднять глаза и...

Господи, это же Веровы, даже те, кто вроде бы и номинально нет! Эти искренне счастливые взгляды... Я слышу какой-то шум в груди и спустя мгновение понимаю, что это пошла трещинами и рушится моя защита, так тщательно возводимая год за годом, именно для того, чтобы не открываться, не быть столь уязвимой для душевной, да и для физической боли.

– Ты уже с нами, – шепчет он мне на ухо, не давая отключиться от происходящего вокруг, крепче прижимая меня к себе второй рукой лежащей на талии.

Вокруг всё приходит в движение, не тормозит ни секунды. Паша со Светой, Ольга Викторовна, Энджи с подпрыгивающей от восторга Ингой и сообщающей, что даже собаки у Веровых такие же красивые, и что от них не отвести глаз. Здравуюсь с Женей, в который раз отмечая, что в нем нет ничего от отца, зато очень много от матери, с которой я лично была знакома. Близнецы, в итоге нашедшие общий язык с дочерью на почве любви одинаковых блюд, щедро расставленных на столе. Беседа настолько гармоничная, что я совершенно не чувствую себя чужой, наоборот, вернувшейся в

круг близких, родных людей, с которыми по какой-то нелепой причине слишком долго не виделась и соскучилась до такой степени, что боюсь закрыть глаза, чтобы не пропустить ни момента рядом с ними.

Иван, бесспорно являясь центром всего торжества, лишь усиливает данное впечатление, только иногда разрывая контакт между нами.

Чуть сильнее сжимает мою руку, которую держит в своей уже минут пять. Да, держит... Держит так, что я начинаю опасаться вставать со стула, рискуя увидеть влажное пятно на его сиденье.

Эмоции счастья, возбуждения и... страха настолько сильно бурлят в моём мозгу, что когда Ивану с большой неохотой, но все же приходится отвлечься на какой-то важный звонок, переданный через охрану, я, пользуясь моментом, выхожу в холл, накидываю пальто и, уже оказавшись на террасе, жадно втягиваю обжигающий холодом ночной воздух. Он врывается в лёгкие и сквозь них проносится по всем венам, стремительно охлаждая тело и разум, подбрасывая сразу же тонну высококачественного топлива под котел, в котором варится мой страх.

Как его бывшие женщины вообще живут после? Почему-то на ум приходит какое-то тоскливое, бесцветное, жалкое существование... абсолютно лишённое смысла... А после его семьи и ощущения себя её частью? Дрожь болезненной волной прокатывается по всему телу, заставляя сердце

сжиматься сильнее, в надежде, что в этот раз его не заденет, и боль обойдёт стороной.

– Я попросил Свету никуда тебя не отпускать. Как ты от неё сбежала? – Иван с лёгкостью разворачивает меня с себе, распахивая полы пальто, и уже ими прикрывая мою спину, при этом подталкивая мою голову своим подбородком так, что она комфортно ложится ему на грудь.

Тепло возвращается. Пламя под котлом гаснет. Страх остывает, покрываясь ледяной корочкой, застывая и окончательно унимаясь .

И что? Мне придётся вот так ждать его каждый раз или бежать к нему самой, чтобы взять под контроль все свои кошмары?

– Ты же видел меня в деле? Я могу быть очень убедительной, – трюсь носом о его рубашку, вызывая ответный глухой рокот внутри.

– Ты права, Света слишком доверчива, нужно было просить Энджи и давать ей наставления несколько иного характера, – посмеивается он, ещё плотнее запахивая пальто и, начиная сводить меня с ума, своими ритмичными поглаживающими движениями губ на моем виске.

Закидываю голову, поднимая глаза, тут же застреваю в его пронзительно-голубом, светящемся взгляде, но все же нахожу силы задать вопрос мучащий меня долгое время:

– Как тебе удавалось с ними расставаться?

Нервное, едва заметное движение шеи.

– Что тебя конкретно интересует? – его брови напряженно съезжаются к переносице. Без сомнения, констатирую, что это не самый приятный вариант развития беседы, но я, правда, хочу знать!

– Конкретно, как ты отрывал их, вцепившиеся в тебя и в твою семью, руки? Потому что я не понимаю, как от этого можно отказаться добровольно?

Едва слышный, довольный смех и он перехватывает мой вдох, заменяя его своим поцелуем, подхватывая язык, отводя его сначала к небу с силой надавливая на основание, а затем наоборот прижимая вниз и слегка поглаживая его спинку, отчего я теряю равновесие и втягиваю воздух носом с каким-то сумасшедшим безумием. Перехватывает меня поудобнее одной рукой, второй касаясь раскаленной щеки, оставляет мои губы в покое, упираясь лбом мне же в лоб:

– Нет ничего проще, чем уйти от человека, который тебя не любит и тем более от семьи, частью которой, на самом деле, ты никогда не был. У нас... всё по-другому, и я прямо сейчас хочу почувствовать твои пальцы вцепившиеся в меня настолько, что... Вика... если ты сейчас же не скажешь мне да, то последствия могут быть чересчур привлекающими внимание... Но я готов пойти и на это, – выдыхает последние слова мне в ухо, тут же захватывая губами мочку и вызывая у меня сдавленный стон сдерживаемого желания. – Это да?

– Через час Новый год, а Инга может в любой момент на-

чать меня искать, – на какой-то бешеной скорости шепчу ему я, уже сама вжимаясь в его торс, вытягивая шею, подставляя её под его поцелуи.

– За Ингой присмотрит Света, ты не представляешь чего мне стоило уговорить Пашу позволить ей побыть няней. Таковую удачу я не собираюсь упустить!

– Что ты ему пообещал? – хоть и задыхаясь, но я задаю этот вопрос, потому что любопытство никто не отменял.

– Ты еще плохо представляешь наши отношения с сыном. Нужно было спросить, что он потребовал, – опять смеется он. – Никаких близнецов на летнем отдыхе, а учитывая, что у Энджи и Жени в это время намечается свадебное путешествие, они остаются на нас. Но я, уверен, с Ингой им точно скучать не придётся.

И это звучит так обыденно, как данность, которая точно будет, именно так, а не иначе. Как обещание, которое непременно исполнится.

– Да, – говорю я негромко, но очень чётко.

Он замирает, чтобы через мгновение мы оказались в холле, на ходу избавляясь от верхней одежды, а ещё через минуту я оказываюсь прижатой его сильным, мощным телом к внутренней стороне двери хозяйской спальни. Его спальни.

Глава 12

Иван

Раз.

Расстегиваю молнию на её платье.

Два.

Цепляю его за подол, приподнимая и стягивая.

Три.

Приходит осознание того, что так, как я хочу её прямо сейчас, нам понадобится больше часа, намного больше часа, потому что весь взрывающий мой мозг сценарий уже сотню раз прокручен и просмотрен в моей голове. Я не пропущу оттуда ни кадра.

Слишком долгое ожидание? Нет! Она стоит каждой потраченной минуты!

Даже её смущенное, несмелое прикосновение к груди через рубашку заводит так, что член посылает в мозг не только сигнал о полной готовности, но и сверхсрочное предупреждение не затягивать прелюдию.

Но Вика... она просто создана для неё...

Борюсь с желанием протянуть руку и включить свет, потому что иллюминации из незашторенного окна слишком мало, а я хочу видеть её всю, чтобы изучить, исследовать каждую часть её тела, чтобы на полном основании считать его своим...

Её... своей...

Меня останавливает только её же смущение и страх испугнуть. Для неё слишком быстро.

За прошедшие полгода я узнал о ней почти всё, и это знание позволяет не допускать ни малейших ошибок.

Не допущу.

Перехватываю её руку, целуя кончики пальцев, спускаясь по ладони к запястью, одновременно расстегивая пуговицы на своей рубашке и моментально от нее избавляясь. Склоняюсь, ловя губы, задавая темп поцелую, и понимая, что никакие предохранители не выдержат подобного напряжения, когда она сама прижимается ко мне, пробегая руками сначала по моей пояснице, а затем поднимаясь выше к лопаткам, слегка царапая их ноготками.

Подхватываю под ягодицы, чувствуя прохладный шелк ее трусиков у себя под пальцами и настоящую дрожь возбуждения.

Предупредительный толчок в штанах. Держись, Веров, у тебя и не такое бывало! Нет, не бывало. Таких эмоций точно! Даже в тот первый раз все было по-другому!

– Ви-и-ик, – пытаюсь подобрать слова, чтобы сказать, что это будет слегка...

– Ве-е-еров, – выдыхает она чуть более низким грудным голосом, чем обычно, – и долго ты ещё собираешься мучить себя и... меня?

– Ви-и-ик, – делаю быстрый шаг влево, приподнимая её

ещё выше и усаживая на край комода, смахивая с него... Да неважно! Снимаю её руки у себя с плеч.

– Обопрись позади, – прошу, и чуть не срываюсь, когда перед моими глазами оказывается выставленная вперед грудь. Обнимаю её обеими руками, из-за чего Вика ещё сильнее прогибается в спине, а в мои ладони упираются до предела затвердевшие соски, которые я тут же инстинктивно сминаю, а её сбивчивый приглушенный стон, окончательно срывает мои тормоза.

– Милая, выше! – заставляю приподнять ноги, цепляя трусики и стягивая их одним движением.

Десять секунд на себя и меня уже ничего не сдерживает. Шаг вперёд, развожу её ноги шире, впервые касаясь рукой промежности.

Мозговой оргазм мною уже получен!

Она невероятна!

Моя женщина полностью готовая для меня.

Скольжу рукой вперёд назад, наслаждаясь тёплой, обильной влагой, движением руки по гладкой, нежной коже. Жёстко удерживаю рукой ее бедро на месте, когда она пытается сдвинуть его, реагируя на касание клитора, и тут же приподнимается вслед за моим пальцем, не желая терять с ним контакт.

– Я обязательно к нему вернусь, милая, – обещаю я, крепче сжимая руками её ягодицы, пару раз проводя членом между складок, купая его в её смазке и, наконец-то, одним

ровным движением толкаясь в нее до самого конца.

Ее всхлип вперемешку с моим стоном невероятного удовольствия. Чувствую, как она сжимается внутри в поисках наиболее комфортной позы и сама подаётся вперёд.

– Ты идеальна, – шепчу ей в губы, начиная двигаться быстрее, каждый раз чувствуя, как она следует за мной. Напряжение, расслабление, меняет свой ритм так, что я не всегда успеваю подстроиться, но это заводит ещё больше, усиливая ощущения до какого-то запредельно нереального состояния.

Концентрируюсь на её учащенном дыхании, только оно позволяет мне еще держаться в этом пространстве и, когда из её рта вырывается свистящий, протяжный стон, а мой член переходит в режим вибрации из-за сжимающих конвульсий её оргазма, расслабляюсь и уже у меня случается настоящий ядерный взрыв, в котором намертво переплетается физическое и эмоциональное, момент осознания, что я никогда больше не соглашусь на что-то меньшее.

– Ви-и-ик, ты моя! – заявляю я права на СВОЮ женщину, подхватывая её на руки. – Навсегда, – тут же вношу дополнение.

Пудобнее перехватывает меня за шею, целуя в плечо и все ещё томным, слабым голосом отвечает:

– Согласна.

– Моя... Ви-и-ика, – держу я свою мечту в своих же руках. Не отпущу. Никогда.

Эпилог

Виктория

Открываю глаза и ещё минуту не могу им поверить. Вчерашний вечер и сегодняшняя ночь. Бо-о-оже, это все было со мной? Щеки мгновенно заливают краской стыда, а все кроме щёк, заливают настолько приятной истомой, что пару раз мне приходится с силой сжать бедра.

До вчерашнего дня я считала секс с Ником пределом мечтаний, но то, что случилось между мной и Веровым... Иванов... моим Ва-а-анечкой...

Вытягиваюсь в струну, вспоминая потрясающие ночные впечатления. Между ног опять становится влажно. Аккуратно перекачиваюсь на другой бок и сразу же погружаюсь в синеву его невероятных, глубоких глаз.

– Привет! – улыбаюсь, натягивая одеяло на нос.

– Ты так странно дышишь... Вспоминаешь, чем мы занимались с тобой перед сном? – смеётся он, прикасаясь ко мне под одеялом и сразу же притискивая к себе. – Я готов повторить всё, что было... Или у тебя есть какие-то особые пожелания?

Его готовность уже вовсю скользит по моему животу мягкими, уверенными движениями, отключая способность трезво мыслить.

– Вань, ты правда готов провести весь день в постели? –

сомневаюсь я в реалистичности его планов.

– С тобой? Да. Думаешь, я просто так обзавёлся новыми родственниками? Женя будет работать, Света всех воспитывать, а я буду... любить тебя...

Чувственный поцелуй в шею. В губы. В грудь.

Растекаюсь по вновь смятой нашими телами простыне и...

Звонок.

Не мой.

Его телефон отключен. Звук идёт из ящика тумбочки.

Иван резко садится, в одно движение извлекает его наружу и тут же принимает вызов, а спустя секунд пять требует:

– Рассказывай.

А далее молчит около минуты, но по всё сильнее и сильнее каменеющим плечам я понимаю... сказочному утру пришёл конец.

– Жди, сейчас буду, – завершает он разговор.

Отключает связь и, быстро очутившись поверх меня, целует, не обращая никакого внимания на мои, хоть и слабые протесты по поводу негигиеничности подобных действий с утра.

– Вик, слушай меня внимательно, – наконец, оставляет в покое мои губы он. – Мне нужно отлучиться. Не знаю на сколько, но я обязательно позвоню через час и уточню. Ты остаешься здесь!

– Что-то серьёзное? – сажусь на кровати, а он уже засте-

гивает пуговицу на своих брюках..

– Не настолько, насколько могло. Поэтому можно считать, что Новый год всё еще может быть удачным.

Останавливается, смотрит на меня.

– Вообще-то, для меня... он просто ох..ительный!

– Ва-а-ань!!! – возмущаюсь я его нецензурной характеристикой предстоящего года, прикрывая лицо руками.

Опять резко склоняется ко мне, стискивая в объятьях:

– Ну а как его называть, если он именно такой? – дарит он мне умопомрачительный поцелуй, лишь подтверждая сказанное.

Отступает, продолжая сборы, методично застегивая пуговицы на рубашке, а я предлагаю альтернативу:

– Нам с Ингой нужно домой, поэтому нет необходимости оставаться здесь. Все твои будут отсыпаться после вчерашнего. И мы... здесь...

В очередной раз замирает, пристально меня разглядывая:

– Ты не поняла, Вик... – подходит, присаживаясь на корточки перед кроватью. – Я вернусь, и мы вместе поедем за вашими вещами. Я забираю тебя и Ингу к себе. Сегодня. И мы не будем ждать еще... – задумывается, а затем резко мотнув головой, выдает: – Нисколько не будем ждать!

Хочется возмутиться, но он настолько нагл и уверен в своём решении, что я сначала по-идиотски хихикаю, а потом каким-то совсем нехарактерным для меня чересчур сексуальным голосом произношу:

– Как скажешь... милый...

Зрачки Верова расширяются, он шумно сглатывает, и я слышу очередной приглушенный мат. Он резко поднимается, безуспешно пытаясь одернуть брюки в районе паха.

– Повторишь это, когда я вернусь! – ещё один напористый, жёсткий поцелуй, и хозяин дома исчезает за дверью, а я вздрагиваю от звонка уже собственного телефона.

Ирма.

Это может быть все что угодно.

– Здравствуй, дорогая! – её голос бодр и звонок, впрочем, как всегда. – Поздравляю с Новым Годом и с Иваном.

Да, у Ольги Викторовны нет секретов от подруги.

– Спасибо, Ирма Эдуардовна! Взаимно, только без Ивана.

Сдержанный смешок.

– К делу. У нас проблема. Он её нашёл, и там все плохо. Твоё присутствие необходимо прямо сейчас.

Сердце срывается в бездну. С трудом сдерживаю дрожь, поднимаясь с кровати.

– Я у Веровых, буду готова через пятнадцать минут.

– Знаю. Машина у ворот. И помни, милая, Веров на Новый Год – это Джек Пот! Считай, что не только год, но и вся жизнь удалась, а мне, девочка, ты веришь. Так что ещё раз с Веровым тебя, дорогая!

– Спасибо, – отвечаю я, прерывая связь и понимаю, что... да. Да!

Главное, чтобы он не стал считать иначе...

Конец.